

№ 652 (кон. XII – 1 четв. XIII в.; Б 141) [Г]. Согласно характеристике грамоты, данной издателями, в ней «записана молитва, первая часть которой обращена к Богородице, а вторая — к Вседержителю» (НГБ-IX: 47). Первая часть атрибутирована в издании как богородичная молитва Великого повечерия; вторая осталась без определения. Источник этой части также может быть указан: им является заупокойная стихира 6-го гласа: «Соделтелю и Творче, Зиждителю и Избавителю, ослаби отпусти, Христе Боже, и душу его (ея) помилуй, егда хочещи испытати, тогда пощади, Милостиве; приими душу его (ея), Владыко, сведьи тайная». Важно, что, в отличие от первой части молитвы, воспроизводящей свой источник дословно, вторая часть перефразирует исходный текст, превращая заупокойную молитву в прошение о собственной душе: ... *творьче, зиждителю, из[б]ав[ит]([ит]е)лю), ... (по)милуои, кгда хоче[ши] ма испытати ...*

№ 655 (сер. XII в. – нач. 1210-х гг.; Б 132) [З]. Грамота найдена на усадьбе Троицк. Г (а не Ж).

№ 664 (2 пол. XII в. – нач. 1210-х гг.; Б 56) [З]. О значении термина *вежники* см. выше, № 550.

№ 672 (сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.; Б 78) [З]. Для трудной фразы *а повъжьс и оу Твердаты чьт[о са] ало коуно*, наряду с предложенными в ДНД₂ (с. 386) вариантами перевода, по-видимому, можно предложить также и следующий «прямолинейный» вариант: ‘А скажи (доложи) также и [в доме, в ведомстве] у Твердаты, сколько досталось (получено) денег’.

№ 677 (40-е – сер. 90-х гг. XII в.; Б 132) [Г]. Транскрипция в ДНД: ...*ти Г̄ грвнѣ истинѣ : съ дикы...* На новом снимке видно, что сохранившийся элемент буквы после *ы* может быть только низом «подпрыгнувшего» в строке *e* (в грамоте уровень букв в строке сильно колеблется). Присутствие в тексте словоформы *дикые* с наддиалектным древнерусским окончанием *-ыѣ* кажется маловероятным на фоне диалектного оформления двух предыдущих слов. Предпочтительным выглядит поэтому другой вариант словоделения и следующая реконструкция текста в целом: (*запла*)*ти Г̄ грвнѣ истинѣ : съди къ[ѣ](вѣ)* ‘заплати три гривны основного капитала, оставайся в Киеве’.

№ 686 (сер. 50-х – сер. 90-х гг. XII в.; Б 75) [Г]. Перевод: ‘128 в простом, а в другом 96’. Смысл этого полностью сохранившегося документа оставался до сих пор загадочным. В. Л. Янин, заметив, что числа 128 и 96 относятся друг к другу как 4 к 3, пишет: «Документ производит впечатление ответа на некую ученическую задачу по арифметике» и предлагает два возможных варианта формулировки условия такой задачи (НГБ-IX: 70–71). А. А. Зализняк допускает также, что «речь идет о двух видах займа (или долгового списка, или иного счета), один из которых назван простым» (ДНД₂: 383). Оба предположения оставляют неясным, почему из всех чисел, находящихся между собой в указанном отношении, в грамоте названы именно эти два, а не какие-либо другие.

Естественно думать, между тем, что числа 128 и 96 представляют собой не абстрактные математические величины, но варианты количественные характеристики некоторого конкретного понятия, обозначенного не названным в тексте существительным мужского или среднего рода, к которому относятся прилагательные *простой* и *другой*. На эту роль идеально подошло бы название меры, в одной разновидности которой 128 единиц, а в другой — 96. И такая мера действительно отыскивается. Мы находим ее в самом раннем русском метрологическом трактате, входящем в состав так называемой «Торговой книги» конца XVI в. Среди прочих весовых мер — *берковец, контарь, пуд, безмен, фунт, гривенка* (большая и меньшая), *золотник, почка, пирог* — здесь назван *ансырь*, о котором сказано следующее: «Ансырь досюда был Бухарский, весит пол 3 гривенки малых и 8 золотников, а всего в ансыре 128 золотников; а деньгами Московскими весит ансырь 8 рублей; а нынешний ансырь весит фунт в 96 золотников, а деньгами весит 6 рублей» (Сахаров 1851: 114; Янин 2007: 208). Как следует из этого разъяснения, составителю перечня были известны два ансыря — «нынешний», в 96 золотников, тождественный фунту и большой гривенке, и «бухарский», в 128 золотников.

Н. Т. Беляев (1927: 266, 276–278) предполагал за обоими вариантами глубокую древность, сопоставляя их соответственно с вавилонскими золотой (ок. 546 г. = 128 золотников) и серебряной (ок. 409 г. = 96 золотников) монетными минами. Какими бы ни были пути проникновения на Русь этих весовых мер, присутствие их в местной весовой шкале уже в домонгольское время представляется вполне вероятным. Тот факт, что ансырь не упоминается в русских источниках до XVI в., не является препятствием к этому допущению. Такие меры, как контарь и безмен, также упоминаемые в «Торговой книге», были до недавнего времени известны лишь по позднесредневековым русским источникам (контарь — с XV в., безмен — с конца XIV в.), однако теперь обе они свидетельствуются берестяными грамотами XII в. (первая, в форме *кендарь*, — грамотой № 627, вторая — грамотой № 1048, где, несмотря на сильную фрагментированность документа, слово *(б)езмѣнь* вычленяется вполне надежно). Только в берестяных грамотах (№ 644) засвидетельствовано в раннедревнерусский период и слово *золотникъ* в значении весовой единицы. Косвенное упоминание ансыря в комментируемом документе выглядит на этом фоне абсолютно естественно.

Определение ансыря в 128 золотников как «простого» могло иметь в виду привычность и удобство этого числа, представляющего собой седьмую степень от двух. Что же касается синтаксической неполноты формулировки, обходящейся без прямого упоминания обсуждаемых понятий (ансырь и золотник), то объяснить ее позволяет мысль В. Л. Янина: грамота действительно может представлять собой ответ — только не на арифметическую задачу, а на прямо поставленный вопрос: «Сколько золотников в ансыре?». Аналогичным образом ответом на вопрос: «Сколько дней в году?» будет фраза: «365 в простом, а в високосном — 366».

Об ансыре см. также в комментарии к грамоте № 1052 в настоящем томе.

№ 696 (60-е – 90-е гг. XIV в.) [Г]. В издании грамота опубликована в виде двух фрагментов, из которых второй оказывается при ближайшем рассмотрении прямым продолжением первого, что позволяет полностью прочесть заключительную формулу: ...*иль · а тобе са кланаемъ са* (с *кла* вместо *кла*).

№ 701 (60-е–90-е гг. XIV в.; Г 87) [З]. Как стало ясно из грамоты Ст. Р. 41, в древненовгородском диалекте мера веса соли называлась словом женского рода *розмѣра* (а не *розмѣрь*).

№ 710 (60-е – 90-е гг. XII в.; Б 56) [Г]. Про слово *урѣзокъ* см. в комментарии к грамоте № 3326 (конец).

№ 720 (1 пол. [предпочт. 1 четв.] XIII в.; Б 132) [Г]. Грамота состоит из двух фрагментов, больший из которых, представлявший собой самый конец документа, в издании поделен на слова и прокомментирован следующим образом: «*клада* (или *кла да*) *п[ъ]моръце намеце*. Последние два слова, по-видимому, следует интерпретировать как *поморочь намече* ‘нанесет тучи, пасмурную погоду, ср. *пóморочь* ‘мрак, темень от набежавших туч’ Пск., Твер. (СРНГ, 29: 225), *pomorotzlivo* — *dunkel weder* (Фенне, 31)» (НГБ-Х: 19). Текст меньшего фрагмента был оставлен без прочтения. Между тем сохранившиеся на этом фрагменте элементы букв поддаются интерпретации: ...*а [·]ѣ: к(оунъ)...* | ... *(гри)[въ]но [оу]* ... Этого достаточно, чтобы охарактеризовать документ как денежную запись. С такой атрибуцией, однако, не вяжется предложенная издателями трактовка большего фрагмента. Она встречает и трудности графического порядка. Обратившись к снимку, можно увидеть, что буква, прочитанная как первое *e* в *намеце*, в действительности не имеет язычка и представляет собой *с*. Это позволяет прочесть текст совершенно иначе: ... *(на)клада по моръце на мѣце*, т. е. ‘процентов — по мордке в месяц’. *Моръце* [моротцѣ] — это, очевидно, Д. ед. от *мордка* (ранн. *мърдька*), с наддиалектным эффектом второй палатализации. Менее вероятно, что это форма от *мордьца*, поскольку производные с суффиксом *-ѣ-а* от *a*-основ в древнерусских текстах, как кажется, не засвидетельствованы.

Для исчисления процентов «по мордке на месяц» ср., с одной стороны: *нѣ водаси ли а лаж[ѣ] ти [оꙗ] Д[о]м[ит]рова ѿѣни по три рѣзане на месѣце* Торж. 7, а с другой стороны: *нама ти хота ти по 8 куну и по мородоки* № 775.